

Патриотизм и космополитизм

На вопрос, откуда он, Диоген сказал:
«Я — гражданин мира»

Диоген Лаэртский
«Жизнь Диогена-киника»

I

В романе Рабиндраната Тагора «Дом и мир» молодая жена Бимала, очарованная патриотической риторикой друга ее мужа Сандипа, становится горячей сторонницей движения «свадеши», организовавшего бойкот иностранным товарам. Лозунг движения — «Банде Матарам», «Привет тебе, Родина-Мать!» Бимала жалуется, что ее муж, космополит и крупный землевладелец-индуист Никиль равнодушно относится к этому делу:

И в то же время мой муж отнюдь не отказывался помогать делу свадеши и не выступал против него. Но он никак не мог принять «Банде Матарам».

— Я готов служить родине, — говорил он, — но *тот*, перед кем я могу преклоняться, в моих глазах стоит выше родины. Обожествляя свою страну, можно навлечь на нее страшные беды.

Американцы часто поддерживали принцип «Банде Матарам», придавая своей американскости особое значение при обсуждении моральных и политических вопросов, и гордились особой американской идентичностью и особым американским гражданством, которые оказывали большое влияние на политическое действие. Я полагаю — вместе с Тагором и его героем Никилем, — что этот акцент на патриотической гордости морально опасен и, в конечном итоге, способен помешать достижению некоторых достойных целей, которым призван служить патриотизм, — например, цели национального единства и преданности достойным моральным идеалам справедливости и равенства. Этим целям, как будет показано мной, лучше может служить идеал, который, во всяком случае, больше соответствует нашему положению в современном мире, а именно — старый идеал космополита, человека, преданного прежде всего сообществу людей во всем мире.

Мое желание высказаться по этим проблемам отчасти обусловлено моим опытом работы над международными вопросами качества жизни в Институте развивающихся экономик, связанном с Организацией Объединенных Наций.

Оно также вызвано возобновлением призывов к нации и национальной гордости в недавних спорах об американском характере и американском образовании. В известной статье из *New York Times* от 13 февраля 1994 года философ Ричард Рорти призывает американцев, особенно американских левых, не отказываться от патриотизма как ценности и, по сути, признать определяющее значение «чувства национальной гордости» и «сознания общей национальной идентичности». Рорти утверждает, что мы даже не можем по-настоящему критиковать себя, пока не «испытаем чувства гордости» за нашу американскую идентичность и не определим себя с точки зрения этой идентичности. Рорти, по-видимому, считает, что главной альтернативой политике, основанной на патриотизме и национальной идентичности, является то, что он называет «политикой различия», основанной на внутренних противоречиях между этническими, расовыми, религиозными и другими подгруппами в Америке. Он исключает возможность более интернациональной основы для политических чувств и забот.

И это не единичный случай. В своей статье Рорти откликается на (и поддерживает) недавний призыв Шелдона Хакни к «национальному разговору» для обсуждения американской идентичности. С самого начала мне стало ясно, что этот проект — в том виде, в каком он задумывался изначально, — преследовал внутренние цели, ограниченные рамками нации, и не учитывал обязательства Америки перед остальным миром и ее связи с ним. Как и в статье Рорти, основное противоречие, обозначенное в проекте, было связано с политикой, основанной на этнических, расовых и религиозных различиях, и политикой, основанной на общей национальной идентичности. Общие черты, имеющиеся у нас как у рациональных и зависимых друг от друга людей, попросту не принимались во внимание.

Но можно задаться вопросом о том, так ли далека политика национализма от «политики различия». «Дом и мир» (возможно, лучше известный по часто показываемому фильму Сатъяджита Рея с тем же названием) — это трагическая история падения разумного и принципиального космополитизма под натиском сил национализма и этноцентризма. Я полагаю, что Тагор был прав, считая, что в своей основе национализм и этноцентрический партикуляризм не чужды, а родственны друг другу, что поддержка националистических чувств, в конечном итоге, ведет к разрушению ценностей, которые сплачивают нацию, потому что она подменяет важные универсальные ценности справедливости и права красочным идолом. Сказав однажды, «я прежде всего индус и только потом уже гражданин мира», сделав однажды этот морально сомнительный шаг самоопределения на основе морально неприемлемого признака, ничто не помешает сказать: «я прежде всего индуст и только потом уже индус», «я прежде всего землевладелец, принадлежащий к высшей касте, и только потом уже индуст». И герои Тагора быстро научились этому. И только космополитическая позиция землевладельца Никиля, такая скучная и унылая с точки зрения его молодой жены Бималы и его друга-горячего националиста Сандипа, способна преодолеть подобные противоречия, так как только эта позиция призывает нас прежде всего придерживаться добродетели. И именно это — быть добродетельными — я могу посоветовать всем людям. Об этом и я буду говорить.

Сторонники национализма в политике и образовании часто делают небольшую уступку космополитизму. Они могут утверждать, например, что, хотя нациям в целом следует опираться в системе образования и политическом обсуждении на общие национальные ценности, что приверженность основным правам человека должна быть составной частью всякой национальной системы образования и что такая приверженность в каком-то смысле будет способствовать сплочению многих наций. Это кажется справедливым замечанием относительно реальной действительности; и акцент на правах человека, конечно, необходим в мире, где нации постоянно вступают во взаимодействие на основе — будем надеяться — справедливости и взаимного уважения.

Но достаточно ли этого? Достаточно ли ученикам знать, что они прежде всего граждане Соединенных Штатов и что они должны уважать основные права человека граждан Индии, Боливии, Нигерии и Норвегии? Или же им следует, как считаю я, — помимо изучения истории и рассмотрения нынешнего положения своей нации — знать значительно больше, чем часто бывает сегодня, и об остальном мире, в котором они живут: об Индии и Боливии, Нигерии и Норвегии, об их истории, проблемах и сравнительных достижениях? Следует ли им знать только то, что граждане Индии обладают равными основными правами человека, или же они должны знать и о проблемах голода и загрязнения окружающей среды в Индии, а также о связи этих проблем с более крупными проблемами глобального голода и глобальной экологии? И что самое важное: следует ли их учить тому, что они прежде всего являются гражданами Соединенных Штатов, или же их следует учить тому, что они прежде всего граждане мира и что, хотя им самим довелось жить в Соединенных Штатах, они должны делить этот мир с гражданами других стран? Я вкратце изложу четыре довода в пользу второй концепции образования, которую я называю *космополитической*. Но сначала я сделаю историческое отступление, проследив истоки космополитизма, раскрывая по ходу некоторые превосходные идеи, лежавшие в основе этого образовательного проекта.

II

В ответ на вопрос, откуда он, древнегреческий философ Диоген-киник отвечал: «я — гражданин мира». Под этим он, по-видимому, подразумевал то, что для него не имеет значения место его происхождения и членство в местной группе, столь важное для рядового грека; он настаивал на определении себя с точки зрения более универсальных стремлений и интересов. Продолжившие его дело стойки более полно раскрыли образ *kosmou politês* (гражданина мира), показав, что каждый из нас на самом деле живет в двух сообществах: в местном сообществе, где мы родились, и сообществе человеческих суждений и стремлений, которое «является по-настоящему великим и общим, где мы не мыкаемся из угла в угол, а отмеряем границы нашего народа солнцем» (Сенека, «О досуге»). И это сообщество по сути и есть источник наших моральных обязательств. В вопросе об основных моральных ценностях, вроде справедливости, необходимо, чтобы мы считали «всех людей своими земляками и согражданами» (Плутарх, «О судьбе и доблести Александра»). И все наши рассуждения должны касаться, прежде всего, общечеловеческих проблем

в конкретных обстоятельствах, а не проблем, связанных с национальной идентичностью, то есть не имеющих отношения к остальным. Диоген знал, что призыв мыслить как гражданину мира был в каком-то смысле призывом покинуть комфорт патриотизма и простых чувств, взглянуть на наш собственный образ жизни с точки зрения справедливости и добродетельности. Место рождения всегда случайно; любой человек может родиться в любой нации. Признавая это, его последователи-стоики считали, что нам не следует позволять национальным, классовым, этическим или гендерным различиям становиться препятствиями между нами и другими людьми. Во всем видеть нужно общечеловеческое и, в первую очередь, уважать его основные качества — разум и нравственность.

Это не значило, что стоики выступали за отмену местных и национальных форм политической организации и создание всемирного государства. Идея была гораздо более радикальной: мы должны быть верны не просто форме правления, не временной власти, а моральному сообществу, образуемому всеми людьми. Идея гражданина мира, таким образом, служит прообразом и источником кантовской идеи «царства целей» и выполняет схожие задачи, вдохновляя и регулируя моральное и политическое поведение. В своих поступках всегда необходимо выказывать равное уважение к достоинству разума и морального выбора в каждом человеке. И эта же идея пронизывает роман Тагора, поскольку космополитический землевладелец пытается остановить волну национализма и фракционности, обращаясь к универсальным моральным нормам. Многие речи героя Никиля взяты из космополитических политических сочинений самого Тагора.

Стоики, утверждавшие, что воспитание хорошего гражданина — это воспитание гражданина мира, приводили для обоснования этого три довода. Прежде всего, они утверждали, что изучение человеческой сущности и ее проявлений во всем мире очень важно для самопознания: мы лучше понимаем себя, сравнивая свой образ жизни с образом жизни других разумных людей.

Кроме того, они, как и Тагор, считали, что нам лучше удастся решать свои проблемы, если мы будем рассматривать их в таком ключе. Ни одна тема не развита в стоицизме так глубоко, как вред, наносимый политической жизни группы фракционностью и местными привязанностями. Политическое обсуждение, утверждают они, постоянно срывается из-за фанатичных привязанностей к своей «цирковой труппе» или к нации. Только связав себя с мировым сообществом справедливости и разума, нам удастся избежать этих опасностей.

Наконец, они настаивали на необычайной ценности позиции *kosmou politês*, так как она позволяет видеть в людях главное, что заслуживает уважения и признания, а именно — стремление к справедливости и добродетельности и способность мыслить. Этот аспект может быть не таким ярким, как местные или национальные традиции и идентичности, — и именно поэтому молодая жена в романе Тагора отвергает его ради националистического оратора Сандипа, которого она позднее начинает считать поверхностным, — но при этом, утверждают стоики, идея космополитизма прочна и глубока.

Стоики подчеркивают, что превращение в гражданина мира не означает отказа от местных идентификаций, которые зачастую способны серьезно обогащать жизни человека. Они не предлагают считать себя лишенными местных

привязанностей; скорее, речь идет о том, что человек окружен рядом концентрических кругов. Первый включает самого человека; следующий — его ближайших родственников; еще один — дальних родственников, затем соседей или местную группу, земляков, соотечественников — и к этим группам легко можно добавить этнические, языковые, исторические, профессиональные, гендерные и сексуальные идентичности. И самый большой круг включает все человечество в целом. Наша задача как граждан мира состоит в том, чтобы «притянуть все эти круги к центру» (философ-стоик Гиерокл, I–II века н. э.), относясь ко всем людям к землякам и так далее. Иными словами, нам не следует пренебрегать нашими особыми привязанностями и идентификациями — этническими, гендерными или религиозными. Нам не нужно считать их поверхностными, так как они составляют часть нашей идентичности. Мы можем и должны уделять им особое внимание в образовании. Но нам нужно работать над тем, чтобы сделать всех людей частью нашего сообщества диалога и участия, вести наше политическое обсуждение в этой взаимосвязанной общности и проявлять особое внимание и уважение тому кругу, который включает в себя все человечество.

Это означает, с точки зрения образования, что ученик в Соединенных Штатах, например, может и дальше считать себя отчасти определяемым своей особой любовью — к своей семье, своему религиозному и /или этническому и /или расовому сообществу или сообществам и даже к своей стране. Но он также должен научиться видеть общечеловеческое во всем, с чем он сталкивается, не бояться черт, которые кажутся ему необычными, и стремиться принимать человечество со всеми его «странностями». Он должен достаточно знать и о различиях, чтобы видеть общие цели, стремления и ценности, и об этих общих целях, чтобы понять, насколько по-разному проявляются они во многих культурах и историях. Стоики утверждают, что живое представление иного является основной задачей образования; а для этого, в свою очередь, необходимо хорошее знакомство с этим иным. Марк Аврелий дает себе следующий совет, который вполне можно назвать основой космополитического образования: «Приучи себя не быть невнимательным к тому, что говорит другой и вникни сколько можешь в душу говорящего» (VI.53). «И вообще», — заключает он, — «многое надо узнать, прежде чем как-либо объявить, будто ты постиг чужое действие» (XI.18).

Лучше всего, размышляя о мире, представлять его как единое тело, а множество людей как множество его суставов. Заменив всего одну букву в греческом слове «сустав» (*melos*) и превратив его слово «[разделенное] тело» (*meros*), Аврелий говорит: «Что в единенных телах суставы тела, то же по смыслу среди разделенных тел — разумные существа, устроенные для некоего единого сотрудничества. Осознание этого скажется у тебя больше, если почаще будешь говорить себе, что вот я — сустав в совокупности разумных существ. А если ты так говоришь, что ты просто в составе целого, то значит еще не любишь людей от всего сердца, и радость от благодеяния тобою еще не постигнута; и еще ты делаешь его просто как подобающее, а не так, как благодетельствующий самого себя» (VII.13). Важно помнить, что, будучи императором, он дает себе этот совет в связи со своими каждодневными обязанностями, которые требуют от него понимания культур таких далеких и поначалу странных цивилизаций, как Парфия и Сарматия.

Я бы хотела, чтобы образование приняло эту космополитическую позицию стойков. Конечно, возможны и злоупотребления, так как основная модель может быть использована для отрицания фундаментальной важности раздельного существования людей и основополагающих личных свобод. Стойки не всегда были достаточно внимательны к этим ценностям и их политическому значению; в этом смысле их мысль не всегда подходит для построения демократического обсуждения и образования. Но так как идея, прежде всего, напоминает нам о взаимосвязи между всеми людьми и сообществами, она имеет фундаментальное значение. Очевидно, что еще очень многое нужно сказать о возможном включении этих идей в программы обучения на многих уровнях. Но вместо того, чтобы заняться рассмотрением этой конкретной задачи, я вернусь к сегодняшнему дню и изложу четыре довода в пользу превращения мирового гражданства, а не демократического / национального гражданства, в основную цель образования.

III

1. Космополитическое образование позволяет нам лучше узнать самих себя.

Одним из самых серьезных препятствий на пути к рациональному обсуждению в политике является представление о том, что имеющиеся в данный момент у человека предпочтения и привычки нейтральны и естественны. Образование, которое считает национальные границы морально значимыми, слишком часто способствует закреплению этой иррациональности, придавая случайности истории обманчивую видимость морального веса и славы. Рассматривая себя самих сквозь призму другого, мы начинаем видеть, что в наших практиках является локальным и необязательным, а что — более широким и общим. Наша нация поражает своей неосведомленностью об остальном мире. На мой взгляд, это также означает, что она многого не знает и о себе самой.

Приведу только один пример: если мы хотим понять свою собственную историю и наши решения, связанные со структурой семьи и воспитанием детей, полезно оглянуться и посмотреть, какие формы семьи существуют в мире и какие стратегии воспитания детей используются ими. (А это сделать невозможно без изучения семьи и в нашей собственной, и в других традициях). Такое исследование может показать нам, например, что нуклеарная семья с двумя родителями, в которой мать в основном выполняет работу по дому, а отец — зарабатывает на пропитание, вовсе не является повсеместно распространенной формой воспитания детей в сегодняшнем мире. Расширенная семья, кластеры семей, деревни, женские объединения — все эти и многие другие группы в различных частях света отвечают за воспитание детей. В результате, могут возникнуть вопросы, например о том, насколько плохое обращение с детьми распространено в семьях, где в воспитании детей участвуют бабушки и дедушки и другие родственники, по сравнению с относительно обособленной западной формой нуклеарной семьи; какие структуры воспитания детей способны облегчить труд женщин и насколько хорошо они функционируют. Не приняв этого образовательного проекта, мы рискуем оказаться в ситуации, когда известные нам возможности станут казаться нам единст-

венными и «нормальными» и «естественными» для всего человечества. То же можно сказать и о представлениях о гендере и сексуальности, о труде и его разделении, о формах собственности, об уходе за детьми и престарелыми.

2. Нам удастся добиться больших успехов в решении проблем, которые требуют международного сотрудничества.

Воздух не подчиняется национальным границам. Этот простой факт способен помочь детям понять, что, нравится нам это или нет, мы живем в мире, где судьбы наций тесно связаны в том, что касается основных благ и самого выживания. Загрязнение окружающей среды в странах «третьего мира», пытающихся достичь нашего высокого уровня жизни, в некоторых случаях, сказывается на нашем воздухе. Независимо от того, какое решение по этим вопросам будет, в конечном итоге, принято, всякое разумное обсуждение проблем экологии, а также продовольствия и народонаселения, требует глобального планирования, глобального знания и представления об общем будущем.

Для ведения такого глобального диалога нам нужно не только знание географии и экологии других наций (кое-где уже сейчас нужен существенный пересмотр наших учебных программ), но и людей, с которыми мы будем говорить, чтобы в общении с ними мы могли выказать уважение к их традициям и убеждениям. Космополитическое образование способно создать необходимую для подобного обсуждения основу.

3. Мы признаем реальные моральные обязательства перед остальным миром, которые в противном случае остались бы непризнанными.

Что же делать американцам, учитывая, что наш высокий уровень жизни сегодня, скорее всего, нельзя сделать всеобщим, по крайней мере при нынешних издержках, связанных с контролем над загрязнением окружающей среды, и текущей экономической ситуации в развивающихся странах, избежав при этом экологической катастрофы? Если принять кантианскую мораль всерьез, что, на мой взгляд, мы и должны сделать, нам нужно будет воспитать своих детей так, чтобы они выказывали беспокойство по этому поводу. В противном случае мы воспитаем нацию моральных лицемеров, которые будут говорить на общечеловеческом языке, а сам мир людей будет для них очень узким и ограниченным.

Может показаться, что этот пункт сам по себе предполагает универсализм, а не служит доводом в его пользу. Но здесь можно отметить, что ценности, которыми американцы могут гордиться по праву, в сущности, являются стоическими ценностями: уважение к человеческому достоинству и возможность для каждого человека стремиться к счастью. Если мы действительно считаем, что все люди созданы равными и наделены некими неотчуждаемыми правами, нам морально необходимо думать и том, как нам, в соответствии с этой идеей, следует относиться к остальному миру.

И вновь, это не означает, что человеку нельзя заниматься вещами, которые его особенно волнуют. От политики, касающейся, например, заботы о детях, будет мало прока, если каждый будет считать себя одинаково ответ-

ственным за всех вместо того, чтобы уделять особое внимание и проявлять заботу о своем непосредственном окружении. Такая забота о своем окружении вполне может быть оправдана с универалистских позиций, и, на мой взгляд, это является ее самым убедительным оправданием. Например, мы не считаем, что наши дети, с точки зрения морали, важнее детей других людей, хотя почти все родители дают своим детям гораздо больше любви и заботы, чем детям других людей. Это полезно для детей вообще, и именно поэтому наша особая забота добродетельна, а не эгоистична. Образование может и должно отражать такую особую заботу, уделяя больше времени, например, в рамках какой-то нации, истории и политике этой нации. Но из этого следует, что нам не нужно ограничиваться в своих размышлениях только собой, что, совершая выбор в политических и экономических вопросах, нам следует серьезнее относиться к праву других людей на жизнь, свободу и стремление к счастью и стремиться к приобретению знаний, которые позволят нам с большим основанием рассуждать об этих правах. Я думаю, что такой образ мысли будет иметь масштабные экономические и политические последствия.

4. Мы будем последовательно и логично рассуждать о различиях, которые мы готовы защищать.

В красноречивых призывах Ричарда Рорти и Шелдона Хакни содержится нечто, что вызывает у меня серьезное беспокойство. Они кажутся вполне убедительными, настаивая на важности для демократического обсуждения неких ценностей, которые объединяют всех граждан. Но почему такие ценности, призывающие нас к единству, несмотря на этнические, классовые, гендерные и расовые различия, утрачивают весь свой жар, подступая к границам нации? Признавая, что морально произвольные границы, наподобие границ нации, оказывают глубокое и определяющее влияние на наше обсуждение, мы, как кажется, лишаем себя всякой принципиальной возможности убедить граждан в том, что они должны объединиться, несмотря на все имеющиеся преграды.

Ведь и здесь, и там находятся одинаковые группы. Почему мы должны считать китайцев своими соотечественниками, когда они живут в одном (Соединенные Штаты), а не в другом (Китай) месте? Что такого в этой национальной границе, которая по волшебству превращает людей, к которым наше образование относится невнимательно и безразлично, в тех, перед кем мы имеем обязательства взаимного уважения? Короче говоря, я убеждена, что своей неспособностью положить признание более широкого мира в основу нашего образования мы подрываем основы мультикультурного уважения внутри самой нации. Патриотизм Ричарда Рорти может быть способом сплочения всех американцев, но патриотизм очень близок к джингоизму, и, боюсь, я не вижу в рассуждениях Рорти предложений относительно того, как нам справиться с этой очевидной опасностью.

Кроме того, защита общих национальных ценностей и у Рорти, и у Хакни, как я понимаю, требует обращения к некоторым основным особенностям человеческой личности, которые явно выходят за пределы национальных границ. И если мы не сможем научить детей преодолевать такие границы в своем уме и воображении, мы молчаливо дадим им понять, что мы говорим

им не то, что думаем. Мы говорим, что следует уважать человечество в целом, но на самом деле имеем в виду, что американцы заслуживают особого уважения. И я думаю, что американцы и так занимались этим слишком долго.

IV

Нередко граждане мира оказываются в одиночестве. На самом деле, как сказал Диоген, это своего рода изгнание — из комфорта локальных истин, из теплого гнезда патриотизма, из всепоглощающей драмы гордости собой и «своими». В сочинениях Марка Аврелия (а также в работах его американских последователей — Торо и Эмерсона) иногда ощущается безграничное одиночество, как если бы устранение привычек и местных границ лишало жизнь некой теплоты и безопасности. Когда человек начинает жизнь как ребенок, любящий своих родителей и доверяющий им, у него возникает соблазн реконструировать гражданство в соответствии с той же логикой, видя в идеализированном образе нации суррогатного родителя, который будет думать за него. Космополитизм не предлагает такого пристанища; он предлагает лишь разум и любовь к человечеству, которая иногда может казаться менее яркой, чем другие источники принадлежности.

В романе Тагора призыв к мировому гражданству оборачивается провалом, потому что патриотизм полон страстей и красок, а космополитизму трудно пленить воображение. И все же в самой своей неудаче, как показывает Тагор, космополитизм добивается успеха. Ведь в романе рассказывается история воспитания гражданина мира, поскольку трагическое повествование ведется от лица овдовевшей Бималы, которая понимает, хотя и слишком поздно, что мораль Никиля намного превосходила пустое жонглирование символами Сандипа, что то, что она считала страстью в Сандипе, было эгоцентрическим тщеславием и что внешняя бесстрастность Никиля на самом деле означала глубокую любовь к ней как к человеку. Если отправиться сегодня в Сантиникетан, город, расположенный в нескольких часах езды на поезде от Калькутты, город, в котором Тагор основал свой космополитический университет Вишвабхарати (что в переводе означает «весь мир»), ощущение трагедии появится снова. Ибо всемирный университет не приобрел ожидаемого влияния и признания внутри Индии, а идеалы космополитического сообщества Сантиникетан становится все труднее защищать под натиском воинственных сил этноцентрического партикуляризма и индуистко-фундаменталистского национализма. И все же само ослабление идеалов Тагора, которое теперь угрожает самому существованию светского и терпимого индийского государства, позволяет наблюдателю увидеть их ценность. Обожествление страны действительно может принести ей страшные беды. Недавняя реакция избирателей, не поддержавших индуистский национализм, дает некоторые основания для оптимизма. И признание ценности космополитических идеалов позволяет избежать трагического конца, наподобие того, что был описан Тагором.

И поскольку я уверена, что идеалы Тагора можно успешно осуществить в школах и университетах демократических государств во всем мире и использовать при выработке государственной политики, в заключение я приведу историю космополитизма со счастливым концом. Она была рассказана Дио-

геном Лаэртским и посвящена ухаживаниям и браку космополитических философов-киников Кратета и Гиппархии (одной из наиболее выдающихся философов-женщин), чтобы, возможно, показать, что отказ от символов статуса и нации иногда позволяет добиться успеха в любви. Отметим, что Гиппархия происходила из хорошей семьи, придававшей, как и большинство греческих семей, особое значение социальному статусу и происхождению и с подозрением относившейся к космополитическому философу Кратету с его странными представлениями о мировом гражданстве и презрением к статусу и границам.

[Гиппархия] полюбила и речи Кратета, и его образ жизни, так что не обращала внимания ни на красоту, ни на богатство, ни на знатность своих женихов: Кратет был для нее все. Она даже грозила родителям наложить на себя руки, если ее за него не выдадут. Родители позвали самого Кратета, чтобы он отговорил их дочь, — он сделал все, что мог, но не убедил ее. Тогда он встал перед нею, сбросил с себя, что было на нем, и сказал: «Вот твой жених, вот его добро, решайся на это: не быть тебе со мною, если не станешь тем же, что и я». Она сделала свой выбор: оделась так же, как он, и стала сопровождать мужа повсюду, ложиться с ним у всех на глазах и побираться по чужим застольям.

Однажды, явившись на пиру у Лисимаха, она сокрушила самого Феодора по прозвищу Безбожник с помощью вот какого софизма: если в чем-то нет дурного, когда это делает Феодор, то в этом нет дурного и когда это делает Гиппархия; когда Феодор колотит Феодора, в этом нет дурного, стало быть, когда Гиппархия колотит Феодора, в этом тоже нет дурного. Феодор не нашелся ничего возразить на это и только разодрал на ней плащ; но Гиппархия не показала ни смущения, ни женского стыда. (6.96–98)

Я не считаю, что брак Кратета и Гиппархии следует преподносить в качестве образца для подражания ученикам моих гипотетических космополитических школ (или Феодора-безбожника как их учителя логики). Но эта история показывает, что жизнь космополита, который ставит право выше страны, а универсальный разум выше символов национальной принадлежности, не обязательно скучна, уныла и лишена любви.